

Но философія трезвости легко подмѣнивается гностицизмомъ. Эти гностическія дрожжи мы и попытались освѣтить. Кто вступилъ въ кругъ трезвыхъ, тому философія Федорова можетъ принести много мукъ: она страшна въ своей прелести, въ ней соблазнъ, *поскольку она тяготеетъ къ гностицизму..* Но вообще говоря, какъ проповѣдь трезваго дѣланія, проповѣдь всеобщаго метафизическаго родства и *дѣйствительнаго* воскрешенія, она имѣетъ глубокое нравственное и догматическое значеніе.

Мы оставляемъ въ сторонѣ ученіе Федорова о значеніи Россіи въ дѣлѣ всемірнаго воскрешенія:—оно должно имѣть особый интересъ, исключительную важность въ исторіи русскаго самосознанія.

С. Голованенко.

III.

С. Булгаковъ. Философія хозяйства.

Ч. I. Миръ, какъ хозяйство, Москва—1912 г. Книгоизд. „Путь“.

„Философія хозяйства“ С. Н. Булгакова родственна „Философіи общаго дѣла“ Н. О. Федорова. Эта родственность чувствуется не только въ радостномъ вопросѣ—воскличаніи: „Смерть, гдѣ твое жало!“, но и въ отдѣльныхъ, почти-одинаковыхъ *тонахъ* этого вопроса. И не только самый вопросъ, но и смыслъ отвѣта почти одинъ и тотъ же: осанна *всякой* жизни, отгоняющей призракъ смерти: вѣчной смерти нѣтъ. Однако, въ благословеніи *всякой* жизни можетъ крыться разное. Въ „Философіи общаго дѣла“ страхъ смерти внутренно-побѣждается какимъ-то захватывающимъ, еще непроясненнымъ *жизненнымъ настроеніемъ*.

Въ „Философіи хозяйства“ нѣтъ этой непосредственности. *жизненное настроеніе* и прояснено и разстроено логическими схемами. И все-таки „Философія хозяйства“ какъ-бы нарочный отвѣтъ на недоумѣнія, вызываемыя философіей Федорова. Эти недоумѣнія можно свести къ двумъ вопросамъ. Каково взаимоотношеніе Церкви Небесной (Тріединство, какъ догматъ-заповѣдь) и Церкви Земной (Тріединство, какъ исполненіе заповѣди)? Какова структура знанія-дѣйствія?

Въ „Философіи хозяйства“ это проблема трансцендентнаго (метафизика) и проблема знанія (гносеология)—какъ

разъ тѣ проблемы, которыя вводятъ насъ въ сутолоку современной философской мысли.

Философія С. Н. Булгакова—„Философія хозяйства“ въ двоякомъ смыслѣ: метафизическомъ и гносеологическомъ.

1. Хозяйство, взятое въ чисто-метафизическомъ аспектъ—основанія бытія, жизнь; взятое въ эмпирическомъ аспектъ—оживаніе. Философія хозяйства, слѣдовательно,—философія жизни и оживанія. Какъ таковая,—она должна отвѣтить на первый неудоумѣнный вопросъ философіи Федорова.—2. Хозяйство—фактъ политической экономіи. Построеніе на этомъ фактѣ теоріи знанія и придаетъ философіи С. Н. Булгакова узкій смыслъ философіи хозяйства. Какъ таковая, она должна выяснить логическую структуру жизненнаго знанія. Забѣгая впередъ, укажемъ на общій недочетъ философіи хозяйства. Глубокая жажда мірового единства сдѣлала нечуткимъ къ разъединенію, къ разно-характерности членовъ единства, къ разно-сѣмянности жизни. Отсюда—внѣшнее объединеніе качественно—разныхъ порядковъ: смѣшеніе жизни и оживанія. Отсюда—близорукость: при безвѣрїи въ научную мысль довѣрчивость факту хозяйства, — довѣрчивость къ одной изъ формъ той же научной мысли.

Проблема трансцендентнаго.

Философія хозяйства, какъ метафизика,—форма философіи тожества Шеллинга-Соловьева. Хозяйство—жизнь. Жизнь—соотношеніе логическаго и алогическаго, идеаль-реальнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ она сверхлогична въ ихъ тожествѣ. Особенно цѣненъ моментъ тожества, сверхлогичности, но онъ недостаточно выясненъ. Это скорѣе какой-то намекъ, неясная кайма. Дѣйствительно, здѣсь путается, какъ-бы обрываясь наша обычная мысль. Мы должны, или отдаться гностицизму, или утонуть въ неясности переживаній, или же осознать многозначную цѣнность догмата. Забвеніе идеи догмата превращаетъ въ концѣ-концовъ всякую философію тожества въ философію количественнаго равенства. Въ философіи хозяйства чувствуется мучительная неустойчивость: временами, идея догмата совсѣмъ забывается, жизнь (трансцендентное) смѣшивается съ оживаніемъ (имманентное) и тогда „Философія хозяйства“ сливается съ обычной философіей жизни и особенно съ философіей Бергсона.

У Федорова нѣтъ идеи трансцендентнаго: Тріединство, какъ заповѣдь вплотную подходило къ земному—будущему тріединству. Булгаковъ съ принятіемъ трансцендентнаго естественно долженъ былъ установить ступени въ отношеніяхъ міра Горняго и Земнаго. Проблема трансцендентнаго разрѣшается въ ученіи о Софіи. Софія—источникъ жизни и хаосмось, фило-Софія: Откуда хаосъ и лишеніе, родящіе любовь? Какова іерархія жизни? Всякая жизнь—софійна: софіино хозяйство. Но хозяйство—функция смерти. Значитъ ли это, что Софія смертна, что въ ней—вина грѣхопаденія? И опять мучительная неустойчивость. Порою кажется, что забвеніе догмата ведетъ къ непріятію тайны свободы, скрывающей смыслъ антиноміи. И тогда антиноміи въ „Философіи хозяйства“ превращаются въ явныя противорѣчія, или же ввѣшне-объединяются—здоровые, болѣзненные и больные члены мірового цѣлаго. Тогда происходитъ смѣшеніе: смѣшиваются не только Софія и Міровая Душа, но Софія и Адамъ, Софія и трансцендентальный субъектъ. То же самое смѣшеніе въ чисто-логической формѣ мы видимъ въ обрисовкѣ характера идеаль-реальнаго. Порою расплывается сверхлогичное и остается двойство логически—алогичнаго, какъ у Бергсона (память и матерія) и Федорова (сознаніе и безсознательное). Логическое, какъ таковое, исчерпываетъ всю дѣйствительность. Что это значитъ? Для С. Н. Булгакова ложь научнаго раціонализма Когена—только въ томъ, что гносеологія уравнивается съ онтологіей. Во всемъ остальномъ, очевидно, съ Когеномъ можно согласиться. Значитъ, возможна чистая логика, всевѣщающая форма. Значитъ, логика научнаго разума почти покрываетъ логику бытія: нужно лишь что-то прибавить къ логическому ряду, а не внутренно-усмиривъ—преобразовать его. И вдругъ встрѣчается другой рядъ мыслей, что научный разумъ—искаженіе Логоса, онъ—убивецъ жизни, онъ—вѣѣ истины. Что за этимъ, какъ не тотъ же вопросъ: смертна-ли Софія? И тутъ невольные слѣды увлеченія С. Н. Булгакова всякимъ единствомъ, увлеченіе принципомъ широкимъ, но пустымъ: во всемъ — все. Объемъ затмилъ содержаніе: принято за истину всякое цѣлое.

И такъ, ученіе о Софіи, какъ основаніи хозяйства, не разрѣшаетъ проблемы трансцендентнаго, въ лучшемъ случаѣ лишь углубляетъ ея постановку.

Неясности метафизики хозяйства перенесены на обычное, конкретное хозяйство. Сущность хозяйства въ борьбѣ чловѣческаго и природнаго, свободнаго и необходимаго, органическаго и механическаго. Задача хозяйства—въ защитѣ и расширеніи жизни. Тутъ мы видимъ то-же борющееся двуединство, какъ и у Федорова. Но у Федорова рѣзкое раздѣленіе чловѣка и природы, рѣзкое утверженіе *всеобщаго* воскрешенія. С. Н. Булгаковъ ученіемъ о Софіи хочетъ сблизить чловѣка и природу. Онъ почувствовалъ тайну рожденія жизни и отсюда—онъ принимаетъ лишь *частичное* воскрешеніе. Спрашивается, гдѣ начало тайны и въ частности тайны рожденія? Гдѣ предѣлъ воскрешенію? Если Софійна природа, то отлично-ли ея хозяйство отъ хозяйства личности? Пусть природа — софійна. Какъ отличить Софію и Логосъ? Что значить Логосъ вещей? Порою у С. Н. Булгакова прорывается, что прямой путь спасенія—религіозный подвигъ. Тогда въ чемъ непрямота, гдѣ ея грань, въ чемъ цѣнность косвеннаго пути? Тутъ мы близки рационализму. Тайна рожденія, хозяйство личности внѣшне отдѣляются С. Н. Булгаковнмъ отъ остальнаго хозяйства и само хозяйство оказывается, все - таки, многообразнымъ. Это особенно прозрачно въ проблемѣ труда. У Федорова сознаніе характеризуется трудомъ, безсознательное - же уравнивается съ даровымъ. Для С. Н. Булгакова хозяйство—трудова дѣятельность. Трудъ имѣетъ универсальное, космическое значеніе. „Міръ, какъ хозяйство—это міръ, какъ объектъ труда, постольку и какъ продуктъ труда“. Трудъ—новый, космогоническій факторъ. Гдѣ трудъ — тамъ жизнь, воскрешеніе, Софія. Гдѣ даровое—тамъ смерть, хаосъ. Подобно Федорову,— С. Н. Булгаковъ оставляетъ въ тѣни третьє, или внѣшне отдѣляетъ его. Это третьє—даръ Божій, благодатное. Заключается-ли оно въ „образѣ Божіемъ“? Тогда въ чемъ „подобіе“? Если въ границахъ природы только природно-чловѣческое, то разсѣкается чловѣкъ и сама природа. Опять мы возвращаемся къ основному вопросу о явленіяхъ Логоса и Софіи. И отсюда—какъ разграничить: философію хозяйства, христіанскую философію хозяйства и философію христіанскаго хозяйства?... Смѣшеніе сѣмянъ жизни приближаетъ С. Н. Булгакова съ другаго края къ тому же раціо-

нализму, съ которымъ онъ ожесточенно борется. И „Философія хозяйства“, какъ ни странно, все еще въ тенетахъ чистой мысли, чистой гносеологии.

Проблема знанія.

Проблема знанія—второй недоумѣнный вопросъ философіи Федорова. Федорова мучилъ разладъ между знаніемъ и дѣломъ, учеными и неучеными. Жизненнымъ настроеніемъ онъ побѣдилъ эти муки. Но логическая структура голаго, теоретическаго и дѣловаго знанія осталась во мракѣ. Для Булгакова такъ же, какъ и для Федорова,—„хозяйство есть знаніе въ дѣйствіи, а знаніе есть хозяйство въ идеѣ“. Хозяйство—хозяйство трансцендентальнаго субъекта, софійно;—таково же знаніе. Всякое-ли? Опять прежняя неясность. Научное знаніе внѣ истины и софійно—вотъ выраженіе невыясненной проблемы трансцендентнаго.

Наука—дробное знаніе, поэтому она—внѣ Истины. Гдѣ цѣлое—тамъ истина. Если въ наукѣ просвѣчиваетъ цѣлое,—она во Истинѣ. Такъ болѣзненно было одиночество, что всякое сообщество, всякое цѣлое принято за Истину. Между тѣмъ, вся новѣйшая философія хочетъ быть и величаетъ себя философіей цѣлаго, философіей системности. У Булгакова неотчетливъ ни характеръ цѣлаго (трансцендентальнаго субъекта), ни взаимоотношеніе частей. Отчего? Оттого, что неотчетливъ и многозначенъ самый исходъ гносеологии: фактъ хозяйства. Что такое хозяйство, трудъ? Взаимопроникновеніе человѣка и природы, субъекта и объекта. Въ чемъ должно выражаться это взаимопроникновеніе? Въ очеловѣченіи природы на основѣ тождества человѣка и природы, идеаль-реальнаго. Очеловѣченіе и есть частичное воскрешеніе, путь къ „организациіи міра, какъ жизни и истины“. Тайна рожденія—предѣлъ воскрешенію и не только предѣлъ, но и умаленіе самаго воскрешенія. Хозяйство—не деревенское хозяйство, не тканетвореніе, не прямой путь собиранія и воскрешенія праха предковъ (Федоровъ). Хозяйство — городское хозяйство *надъ вещами*, одухотвореніе вещи. Если Булгаковъ и говоритъ о воскрешенія, то не о воскрешеніи друзей и отцовъ своихъ—Лазарей, а о воскрешеніи одного полувѣдомаго Лазаря — природы. Вмѣсто оставшихся въ дымкѣ храмовъ-музеевъ въ селахъ (Федоровъ)—фабрики въ городахъ. Правда, творчество человѣка не истощивается

частичнымъ воскрешеніемъ, которое, по существу, какъ и у Федорова лишь оформленіе извѣчно-данныхъ элементовъ. Въ чемъ иное творчество, каково хозяйство личности—этотъ вопросъ, какъ мы знаемъ, остается открытымъ. Какъ бы то ни было, въ очеловѣченіи—побѣда красоты, проблески райскаго хозяйства. Какъ это возможно? Черезъ единство чело-вѣка и природы, наличное въ трудѣ:—въ потребленіи и производствѣ. Откуда слѣдуетъ, что это единство—единство хозяйственнаго Логоса, порожденіе трансцендентальнаго субъекта? Не откуда. Фактъ хозяйства, какъ всякій научный фактъ, самъ по себѣ без-значенъ, если мысль обуюла гносеологическая прелесть. Какъ фактъ науки—обрывокъ жизни, такъ жизненны—хозяйство и трудъ. Если въ наукѣ видится—игра мысли, то почему въ хозяйствѣ голая мысль должна видѣть проэктивно-дѣятельное, субъектъ-объективное отношеніе чело-вѣка къ міру? Какъ знаніе, такъ и хозяйство могутъ быть истолкованы механически. Трудъ, на основѣ „одноприродности я и не-я“ можно объяснить тожествомъ ихъ, но тожествомъ-равенствомъ. Это сдѣлано грубо и смѣло въ популярной книгѣ Богданова: „Философія живого опыта“. И для Богданова міръ—хозяйство, въ трудѣ—мостъ между я и не-я. Въ основѣ же лежитъ законъ сохраненія энергіи, не причащеніе міровой плоти, а перемѣщеніе элементовъ. Въ чемъ же дѣло? Въ гносеологическомъ исходѣ С. Н. Булгакова. Для Булгакова основной вопросъ: что такое знаніе? Тайное рѣшеніе выносится метафизикой. Это скрывается. Отсюда—запутанность. Для Булгакова ориентированіе на фактъ науки—страшное заблужденіе. Спасеніе усматривается въ ориентированіи гносеологии на фактъ хозяйства. Въ томъ и другомъ случаѣ ясная вѣра въ чистую данность, въ чистое „что“ знанія. Нужно лишь избрать это „что“. Свобода личности—свобода выбора, хотя все—равно, всѣ дороги—въ Римъ. Тутъ несомнѣнно—господство объекта, природы. И въ этомъ разрушительная недосказанность. Если все во всемъ, то къ чему клеймить научное знаніе, научную философію? Откуда на ряду съ Истиной измельчающій знаніе релятивизмъ? Забвеніе идеи догмата и антиномій—причина явныхъ противорѣчій. Вѣдь, рѣшительно всякая философія данности, будетъ ли это опытъ, мысль, хозяйство, наука—исключаетъ свободу, личное. У Булгакова свобода

—почти свобода выбора. Между тѣмъ, въ этой свободѣ и скрыто зерно истинной постановки гносеологической проблемы. Исходъ—въ живой личности. И первый вопросъ—чѣмъ должно быть знаніе? Въ немъ живетъ неминутая антиномія: личность, или вещь? Лишь здѣсь утверждается свобода творчества и свобода пріятія. Лишь въ идеѣ догмата, претворяясь, получаютъ правильное освѣщеніе идея-методъ Когена и трансцендентальное долженствованіе Риккерта.

Для Булгакова наука все-таки софійна. Она софійна только потому, что оправдана долженствующимъ быть. Почему такъ же не отнести къ хозяйству? Оно, какъ данность—многозначно. Хозяйство на основѣ тождества, софійность хозяйства—приемлемы, но такъ же, какъ и софійность науки: если поставлена заповѣдь—хозяйство *должно быть* воскрешеніемъ.

Вѣра въ объектъ, выразившаяся въ гносеологическомъ исходѣ,—вскрываетъ логическую структуру знанія. Истинное и ложное знаніе разнятся по точкамъ зрѣнія, а не по объектамъ. Это лишь неправильно-наложенныя, по существу одинаковыя формы, потому что всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Позабывается, что жизнь сѣмянна, что у cadaго сѣмени свой цвѣтокъ, своя форма. Формы одинаковы, если міръ—міръ вещей, если логика—неорганическая логика. Но Булгаковъ рѣзко отдѣляетъ Логосъ отъ научнаго разума. Это отдѣленіе, при наличности сліянія ихъ въ метафизическихъ туманностяхъ,—опять-таки лишь углубляетъ, а не разрѣшаетъ второй недоумѣнный вопросъ философіи Федорова.

Впрочемъ, всѣ недоумѣнія втайнѣ касаются больше аксіологии и эсхатологии хозяйства: можетъ быть вторая часть „Философіи хозяйства“ прояснитъ первую. Въ первой же части пока—нѣчто внутренне-колеблющееся, какое-то бореніе. И вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ логически-должнаго признанія антиномичности жизни и знанія; а лишь—намеки. Въ этихъ намекахъ—прозрѣніе истины. Ихъ можно не замѣтить, и тогда „Философія хозяйства“ станетъ хаосомъ, тогда С. Н. Булгакова понапрасну можно обвинить во всѣхъ грѣхахъ релятивизма и прагматизма. Это сдѣлалъ въ своей критической статьѣ Алексѣевъ (Аскольдовъ) ¹⁾. Онъ не уловилъ души „Философіи хозяйства“ и тѣло ея—распалось.

¹⁾ Опытъ построенія философской системы на понятіи хозяйства. (Вопросы Филос. и Псих. 1912 г. Ноябрь—декабрь).

Мы разсматривали „Философію хозяйства“, какъ философію трансцендентнаго и отъѣнили моментъ *смысленія* трансцендентнаго и имманентнаго. Какъ форма имманентной философіи, она сочтена жизнью, она—философія живого не по названію и видимости. Въ ней—голосъ жизни, въ ней лучки самыхъ насущныхъ проблемъ. Помню глубины и юношескаго паэоса, „Философія хозяйства“ отличается отъ любой философіи жизни—хозяйственнымъ тономъ, трактованіемъ вопросовъ съ соціологической точки зрѣнія. Это не угловатый и непосредственно-грубый экономическій матеріализмъ и не мягкое, облагороженное настроеніе о родствѣ всего. Въ „Философіи хозяйства“—претвореніе отвлеченнаго начала, какъ элемента въ метафизическомъ цѣломъ, въ міровомъ тѣлѣ: экономическій матеріализмъ преодолевается, одухотворяясь въ религіозномъ матеріализмѣ.

Религіозное жизнепониманіе не разряжается въ тихихъ блестяхъ настроеній одинокой личности. Оно не разбивается о мертвую природу. Личность не одинока. Природа—живой другъ. Жизнь—не тѣнь мысли, а міровое содружество, міровое хозяйство.

И переживъ это родство, ощутивъ эту міровую ласку—отшатнешься отъ „трансцендентально-логическихъ силетеній“, какъ мертвящихъ, отъ одинокаго гносеологическаго субъекта, какъ вѣчнаго покойника.

Такое бодрящее настроеніе пробуждаютъ многія страницы „Философіи хозяйства“, какъ своеобразно-глубокой думы о мірѣ и человѣкѣ.

С. Голованенко.

III.

Нѣсколько словъ о „философствованіяхъ“ проф. Мечникова.

„Сорокъ лѣтъ исканія рациональнаго міровоззрѣнія“, по-видимому, нисколько не утомили почтеннаго профессора Мечникова, который недавно оиять выступилъ въ широкой публикѣ съ своими философствованіями о смерти. На сей разъ это выступленіе не сопровождалось уже оговорками, подобными тѣмъ, какія дѣлались имъ во „вступленіи“ къ книгѣ „Сорокъ лѣтъ исканія рациональнаго міровоззрѣнія“